

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1. ГОСТЬ.....</i>	<i>5</i>
<i>Глава 2. НЕ ЗВЕРЬ, НЕ ЧЕЛОВЕК.....</i>	<i>15</i>
<i>Глава 3. ЗНАМЕНИЕ.....</i>	<i>25</i>
<i>Глава 4. ОРЕЛ-ГОРОДОК.....</i>	<i>38</i>
<i>Глава 5. СТРАДАЛЕЦ.....</i>	<i>50</i>
<i>Глава 6. ВОЛЧЬЯ СВАДЬБА</i>	<i>59</i>
<i>Глава 7. ДАЛЬШЕ ЗЕМЛИ НЕ УПАДЕШЬ.....</i>	<i>69</i>
<i>Глава 8. СВЯТОЙ НИКОЛА И МЕРТВЕЦ</i>	<i>79</i>
<i>Глава 9. ЕЖЕ СОГРЕШИХ... ..</i>	<i>90</i>
<i>Глава 10. АДОВА ПАПЕРТЬ</i>	<i>101</i>
<i>Глава 11. ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.....</i>	<i>114</i>
<i>Глава 12. ВОЛЧИЙ ЛОВ.....</i>	<i>125</i>
<i>Глава 13. СЕЧА</i>	<i>134</i>
<i>Глава 14. ТРИЗНА.....</i>	<i>146</i>
<i>Глава 15. НАПАСТЬ ВЕДЬМИНСКАЯ.....</i>	<i>155</i>
<i>Глава 16. ОГРАДИ НАС ОТ ВСЯКОГО ЗЛА....</i>	<i>165</i>
<i>Глава 17. ВЕЛИК ДЕНЬ</i>	<i>173</i>
<i>Глава 18. ПО ЖИВОЙ ВОДЕ.....</i>	<i>184</i>
<i>Глава 19. СТАРШОЙ БРАТ</i>	<i>192</i>

Глава 20. ПУТИ-ДОРОЖЕНЬКИ.....	202
Глава 21. ПАСТУШОНОК ПЕТР	212
Глава 22. ОГОНЬ, ВОДА И ЖЕЛЕЗНЫЙ ЦРЕН	221
Глава 23. СТУПАЙ НОГАМИ, ГЛЯДИ ОЧАМИ	232
Глава 24. КРАСАВА	244
Глава 25. БОГУ МОЛИСЬ, А СМЕРТЬ ПРИНИМАЙ	254
Глава 26. ГОРИ ЖАРЧЕ, СВЕТИ ЯРЧЕ	264
Глава 27. ЧЕЙ БЕРЕГ, ТОГО И РЫБА	276
Глава 28. И НЕ ВВЕДИ НАС ВО ИСКУШЕНИЕ	288
Глава 29. ДОЛЯ ХОЛОПСКАЯ	295
Глава 30. ГУЛЯЙ, ДУША ОДИНОКАЯ... ..	307
Глава 31. ПРАВДА И КРИВДА	318
Глава 32. ЧАША ЗЕМНАЯ И ЧАША БЕСОВСКАЯ.....	324
Глава 33. МЕДВЕЖИЙ ПРОРОК.....	333
Глава 34. ВИДЕНИЕ ДАНИИЛА	344

При последнем времени Правда
возьмется Богом на небо, а Кривда пойд-
ет по всей земли, по всей вселенной...

*Голубиная книга.
Конец XV — начало XVI века*

Глава 1 ГОСТЬ

Свет, пробиваясь сквозь густую слезящуюся пелену, силился развеять дремоту, тревожил, играя с набегавшими несвязными видениями. Свет хотел быть увиденным; пробовал на прочность тьму — тьма сгущалась...

Пламя негасимой лампы жадно глотнуло масла и вспыхнуло с новой силой. Аника вздрогнул, зашевелил губами и поднял тяжелые оплывшие веки. Ему почудилось, что он стоит в пещере, в причудливом гроте, кажущемся бесконечным и внезапно оканчивающимся каменной стеною. Где-то за ней, за серой холодной стеной, испытующим светом глядел на него Судия праведный.

Аника поправил на груди святой иерусалимский крест и мощевик. «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое. Наипаче омой мя от беззакония моего, и от греха моего очисти мя; яко беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мною есть выну... Окропи мя иссопом, и очищуся; омыеши мя, и паче снега убелюся...»

Не дочитав псалма, Аника перекрестился и крикнул сына:

— Семенушка!

Ослабший после дремоты голос дрогнул, проглотил звуки, оставляя слышимым лишь окончание «ушка».

Тяжелая дверь приоткрылась, и в комнату просунулась нечесаная голова дворового холопа. Офонька по-собачьи преданно взглянул на Анику и стремглав помчался по ночным хоромам в Семенову опочивальню...

— Семенушка, — уже отчетливо проговорил Аника, — посмотри, не прибыл ли на двор Гость?

Семен поклонился, накинул бобровый полушубок и вышел из терема. Снежная крошка ударила в лицо, ослепила, сбила дыхание. «Не к добру разгулялося!» Строганов перекрестился и крикнул выбежавшему в исподнем Офоньке:

— За отцом неотступно гляди, не то ребра пересчитаю!

За снежной пеленой двор, прозванный в народе строгановским кремлем, показался нескончаемо большим и пустынным, призрачным наваждением пурги, дурачащим и уводящим взгляд в бесконечную мерцающую рябь... Ветер сбивал дыхание, обрушивая с небес на землю новые снежные волны.

Вьюга, словно ненасытная баба, сдирала одежды, заключая трепещущее тело в ледяные объятия, манила смертельной нежностью, дарующей забвение и вечный покой. Семен знал, что многие, застигнутые снежной бурей, беспричинно ложились в снег возле своих домов и замерзали насмерть.

Ведал умом, но сердцем не мог постичь этого самоубийственного влечения, отчего тайно желал испытать запретную страсть смерти...

Воротные Детина и Цеп кутались в тулупы, окоченело топая ногами, жались к стенам, от ветра опираясь на бердыши.

Отдышавшись, Семен подошел к страже:

— Не прибыл ли какой человек, православные?

— Что вы, Семен Аникеевич, — прохрипел Детина. — В такую пургу сам черт из преисподней на свет не выглянет!

— Куды нонче поедешь? — согласно закивал Цеп. — На дорогах снежить, что кобыла по гузно увязнет...

— И то верно, — ответил Семен. — Бог помощь держать дозор!

Он махнул рукой, с охотой поворачивая в терем, прочь от смертельного соблазна, к домашнему теплу, мягким коврам, убаюкивающим огням свечей.

«Нет, неправ отец. Не приедет Гость. Не сегодня...» Такая мысль была Семену страшна и диковинна одновременно. Слово отца было для братьев Строгановых больше закона: он никогда не ошибался. Сегодня по всей Руси Аника был единственным, чье слово без гнева выслушивал Грозный царь.

Раскрасневшийся от стужи Семен вошел в светелку, принося ярую свежесть, от которой у Аники приятно защипало в носу.

— Офонька! — властно крикнул старик. — Не дрыхни, поспешай зажечь больше свеч. Не пристало в потемках принимать!

Семен покачал головой:

— Пурга кромешная, света Божьего не видеть. Кони пугаются, дичат... Прости, отец, не придет Гость. Не сегодня.

Аника поджал губы:

— Пурга на Сретенье... Дороги замело, зима с летом встретиться не смогут... Семен! Неурожайным год будет, вели приказчикам скупать зерно...

— Хорошо... — Семен почтительно выдержал паузу. — Я могу идти?

Аника задумчиво разглядывал запечатленный в перстне сапфир.

— Нет. Ждать будем...

Семен поклонился и сел в кресло подле отца. Старик опять задремал, его губы бессвязно шептали слова молитвы вперемежку с размеренными указаниями приказчикам. За окном надрывалась выюга, как одержимая билась в стены, выла, заглядывая пустыми очами в спящие окна терема, пугая и соблазняя до смерти.

* * *

В светелке было покойно. От большой, покрытой расписными изразцами печи шло утробное густое тепло. В подсвечниках оплавливались восковые свечи, и, следя, как в танцующих тенях оживают травы на изразцах, Семен вспоминал о прошлогоднем лете...

Он входил в возраст мужа и по старому строгановскому обычаю должен был на Ивана Купалу схлестнуться насмерть с медведем, чтобы доказать свое право на равенство с братьями...

В тот день Семену не везло: вначале закармливаемый медведь не хотел драться, но, почувствовав лютую боль, расвирипел и пошел в решительную атаку. Под тяжелой лапой рогатина дрогнула и переломилась пополам, Семен потерял равновесие, и смертельно раненный медведь стал подмигивать ему под себя. Время остановилось, потом дернулось и потекло по лицу липкой огненной влагой. Семен успел посмотреть на отца, увидеть, как брат наводит на медведя пищаль и как отец отводит пищаль рукой в сторону. Видел, как суровая дружина замерла в готовности с направленными на борющихся жалами копий...

Быстрела не последовало, дружина не двинулась, отец немигающим взглядом смотрел на окровавленного сына... Семен так и не понял, какая сила вложила ему в руки широкий поясной нож и помогла вынырнуть из медвежьих объятий, а потом заставила без усталости кромсать умирающего зверя...

Когда схватка была окончена, Аника подошел к сыну и поцеловал его в окровавленные губы: «Достоин еси!» Он наклонился и положил в расшитую крестами ладанку горстку земли, в которой смешалась медвежья и строгановская кровь. С того дня Семен ничего не боялся, но неотступно ощущал в своем горле приторный смертный дух...

Аника тяжело вздохнул в набежавшей дреме и закашлялся — после кончины жены на глазах превращался в дряхлого старика.

Семен подошел к отцу, подал травяной настой. С трудом сделав несколько глотков, Аника успокоился, перестал кашлять, его глаза прояс-

нялись, и лицо обрело прежнее обеспокоенное выражение.

— Прибыл уже? Чую, уже здесь...

— Нет... — Семен осекся на слове и добавил: — Пурга...

За спиной Аники послышался легкий шум: из темного неосвещенного угла мелькнула тень, на глазах обретая очертания и форму. Семен вздрогнул, от неожиданности перехватило дыхание, совсем как тогда, в медвежьих объятиях. Невысокий сухопарый мужчина в черном кафтане без всяких украшений не спеша вышел к Строгановым из тени.

— Данилушко, здравствуй! — Аника с трудом поднялся на ноги и подошел к Гостю. — Знал, не оставишь в худые дни. По слову на святое Сретение прибыл!

Старик трижды поцеловал Гостя и указал перстом на кресло подле себя.

— Садись, притомился-то с дороги... Офонька! Что стоишь как дубина стоеросовая? Неси сбитень!

Строганов ласково посмотрел на Гостя и участливо спросил:

— Как добрался до нашей землицы, Данилушко? Я отчаялся ждать — кругом опричные заставы выставлены, без царевой грамоты сразу в съезжую избу везут, а там допрос с пристрастием да дыба... Как застав избежать сумел?

— Я их не избегал.

Аника переглянулся с сыном и перекрестился: «Прости грехи наши...»

Офонька принес горячий сбитень в глиняных кружках, украшенных узорами из волнистых линий и косых крестов. Подал кружки, поклонился и замер в ожидании хозяйского приказа, тайком разглядывая незнакомца. Семен, заметив холопью любознательность, сердито махнул рукой:

— Пшел прочь!

Сбитень был сладким и терпким, медово-душистым, подобно недавно скошенному сену. Семен сладко закрыл глаза, расправил плечи, потянулся, ощущая родовым чутьем, как пришелец следит за каждым его движением, готовый метнуться дикою рысью... Строганов сын открыл глаза и встретился взглядом с Гостем. Данила улыбнулся. Он не желал Семену зла...

— Царь пожаловал землями по Каме да по Чусовой. Хорошая земля, богатая. — Аника вскинул брови. — Только неладная...

Строганов отставил в сторону сбитень и задумался, подбирая слова для незнаемого.

— Люди, Данилушка, там пропадают. Сгинет человек так, словно и не было, а иной раз возвратится все равно что живой мертвец: ест, пьет, работает, а никакой мысли и души в себе не имеет. Или обернется юродом, пустомелит день-деньской, блажит, беду кличет... Хоть на цепь, как дикого зверя, сажай...

Старик тяжело вздохнул и перекрестился.

— А еще вогулы за Камнем воду мутят, проснулось осиное гнездо! Лазутчики вокруг городков и острожков снуют, насаждают, аки волки на агнцев. Да воевода чердынский взамен брани рат-

ной ябеды на Строгановых царю шлет, а терпение Иоанново короче, чем петля дыбова!

Аника наклонился к Даниле:

— Знаем, у царя советчик новый, дел заплочных мастер, Скуратов Малюта...

Строганов сплюнул и суеверно перекрестился.

— Не человек он, зверь с нутром бесовым. Глубоко копает и разнохивает, да нос нечеловечьим концом у него пришит... Рыщет, как диавол, души живой, вольной... Не ровен час, обложит, как медведя в берлоге, да на рогашины и поднимет...

Слова растаяли на танцующих языках горящих свечей. И слышал Аника в тишине, как молится его сердце, выпрашивая спасения роду и своему делу не то у взирающего с иконы милостивого Спаса, не то у пришедшего в дом разбойника. Аника ждал знамения или ответа. Но безмолвствовал Спаситель, молчал и злодей...

Холоп следил за происходящим через дверную щель, по-кошачьи терся ухом о косяк, чтобы чутче слышать. Душа, словно забродившая квашня, распирала грудь, душила от нарастающего восторга. «Измена!» — горели глаза. «Заговор!» — кривились губы. Офонька чувствовал, что именно сейчас решается его судьба, только надо не проронить ни слова, все хорошенько запомнить и донести на Строгановых. Тогда и он выйдет в люди! На лихом коне, в черной опричной рясе, с длинной изогнутой саблей и собачьей головой у седла промчит он по миру, ловя завистливые взгляды простолюдинов, собирая ужас в глазах вельмож.

«Да, — кривил губы Офонька, — опричнику все позволено. Хочешь чего в лавке взять — бери, желаешь победокурить в трактире — ешь, пей да озорничай без меры, можешь и девку насильничать... Опричнику никто не помеха!»

Приятные мысли холопа развеял окрик Семёна, ставшего в один миг ненавистным врагом:

— Эй, соломенная голова, хватит бока пролеживать, подь сюда!

Офонька мигом открыл дверь и учтиво подбежал к Строганову.

— Пойди кликни Кадаула. Да мигом!

Офонька, пятясь и кланяясь, вышел прочь, вынося в сердце черную злобу и жажду мести.

* * *

Из своего кресла Данила Карий, строгановский Гость, мог хорошо рассмотреть вошедшего пермяка: не старый, но седовласый, суровый, кряжистый, в белой холщовой рубахе до колен, расшитой черно-красным орнаментом. На голове — кожаный ремешок с бронзовой ящеркой, на пальцах — кольца серебряные и медные.

Кадаул не остановился на пороге, не перекрестился, а лишь слегка кивнул Строгановым головой.

«Хорошо местных привадили, — отметил про себя Карий. — И у ноги, и волю свою чувуют...»

— Сказывай, Кадаулушка, сказывай нашему Гостю про поганую нечисть пермяцкую. — Аника благосклонно улыбнулся.

Пермяк посмотрел на Карего и начал рассказ буднично и неторопливо:

— Пермь стоит о трех силах великих: первая — Парма, великий лес; вторая — Камень, граница всему; третья — Вода, в которой сокрыта жизнь и смерть сущему. Каждая из них свой путь держит, дорогу выбирает и судьбу человеку указывает. Нет у той дороги ни начала ни конца, схоронены они от глаз, глубоко спрятаны. Можешь разумать, что Вода точит Камень, Камень режет Лес, а Парма сушит Воду. Кто это почуял, стал колдуном, кто про это прознал — стал казаком, кто это понял — стал соль варить и городки ставить.

Карий испытующе посмотрел на пермяка:

— В каждой земле есть и свой клад, и свой зарок, и свой бес. Только басни его убить не помогут. Скажи, старик, знаешь ли ты силу, против которой ничто не устоит?

Пермяк пожал плечами и, поклонившись Ани-ке, вышел. Строганов проводил его взглядом и тяжело вздохнул:

— Опостылело все... Уйду я, Данилушка, совсем в монастырь уйду, вконец дела брошу. Ходит уже за спиной смерть, рыщет, а находит других. Поэтому прошу: помоги отрешиться от мира с чистым сердцем, истреби ворога незримого да помоги с вогульцами управиться. Я грехи твои в монастыре отмолю, по-царски казною пожалую, возьму под крыло как сына...

При этих словах Офонька вздрогнул и перекрестился: только стихнет пурга — немедля в путь...

Глава 2

НЕ ЗВЕРЬ, НЕ ЧЕЛОВЕК

Снежная буря улеглась под утро, успев завалить дворы сугробами, занося избы по самые крыши, но добраться до второго этажа высоких строгановских хором ей было не под силу...

Утреннее солнце пробивалось сквозь заиндевевшие окна спальни, вспыхивая на стеклах диковинными райскими цветами. Разглядывая узоры, Данила вспомнил о горах, чьи склоны спускаются и утопают в Хвалынском море, о райских садах, пронзительных персидских песнях и старце Джебеле, подобравшем сбежавшего из рабства мальчика и обучившем своему смертоносному ремеслу. В ту пору Данила мечтал об одном: воротиться домой, на Русь, стать защитником обездоленных, стоять за правду до смерти. Мог ли он представить, что судьба уготовила ему жребий вестника смерти, стезю наемного убийцы...

За дверью слышались шаги, скрипнула дверь — на пороге показался дворовый мальчик Ивашка с медным тазом и кувшином нагретой воды. Поставил на резную скамью умывальню,

смущаясь, продолжал топтаться у порога, с нескрываемым интересом и страхом разглядывая неведомого Гостя. Наконец, собравшись с духом, выпалил:

— Семен Аникеич изволит ждать в оружейной. Поспешайте, что ли...

Морозило. Во дворе мужики разгребали снежные завалы, пробивая в сугробах ровные прямые дорожки.

Выйдя из хором, Данила сощурился: над головой ни тени, ни облачка, лишь по-весеннему играющее, но холодное солнце.

Оружейная расположилась в хорошо укрепленной башне, срубленной из дуба и укрепленной камнем так, чтобы трудно было прошибить пушечными выстрелами. Наверху — вышка для дозорных, внизу — арсенал и бойницы огненного боя, первый этаж приспособлен для хранения выкатных щитов. «Предусмотрительно...» Карий потрогал ошетинившееся шипами тяжелое укрытие на колесах с узкими прорезями для пицалей и самострелов. За таким подвижным щитом удобно вести бой нескольким воротникам, одновременно стреляя, поражая пиками и рубя саблями. На ограниченном, замкнутом пространстве отряд мог за просто сдерживать противника, превосходящего по численности в несколько раз.

В арсенале среди аккуратно расставленного оружия, подле небольшого стола, Семен Аникеевич что-то негромко обсуждал с долговязым послушником в добротной суконной рясе. Рядом с безучастным видом стоял плотно сложенный ка-

зак в овчинном полушубке, шароварах и с сильно изогнутой восточной саблей на поясе.

«Оружие по-турецки носит, — отметил Карий, — сабля подвешена свободно, конец вверх смотрит, чтобы легче из ножен выхватить. Бывалый рубака».

Заметив Данилу, Строганов развернул большую, испещренную чернилами карту и принялся сосредоточенно водить по ней указательным пальцем:

— В Сольвычегодске да зырянских землях нонче Божьей милостью спокойно. На Каме, близ Канкора и Орел-городка не раз брали вогульских лазутчиков, но пуще них страждут люди от волчьей напасти. На Чусовой совсем худо... Не было такого дня, чтобы здесь не исчезали крещеные души, не умирали беспричинно, не убивали друг друга. Недавно посылали отряд, пожгли капища да Паули, да никакого толку. Все хуже прежнего! Набеги, убийства, татьба, да и от бесовщины вогульской много кто с ума спятил...

Семен посмотрел на бесстрастное лицо Карего и осекся.

— Прибудете в Орел-городок да на Чусовую, сами узрите. Сказывай, Савва.

— Парма не то что наш лес, земля здесь другая: вязкая да Камнем, как гробом, накрытая. Оттого и нечисть здесь иная, не лешаки, а перевертыши да двоедушники: полужвери, полулюди, полудухи. Оборотни... — Послушник перекрестился наизусть. — Сила бесовская да звериная на свет исходит из пещер да развалов земных...